

УДК 343.137.5

Л.А. Шестакова*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО УПК РФ

В статье рассматриваются проблемы реализации на практике положений главы 50 УПК РФ. Проанализированы материалы 200 уголовных дел (где обвиняемыми были несовершеннолетние лица), рассмотренных в судах Самарской области; находит дополнительную аргументацию использование восстановительных технологий при отправлении правосудия по делам несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовное правосудие, производство по делам несовершеннолетних, восстановительное правосудие, досудебная медиация, урегулирование спора (конфликта), педагог, психолог, несовершеннолетний.

Расследование и судебное рассмотрение уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними лицами, обладает достаточной спецификой по сравнению с преступлениями, совершенными взрослыми, и также занимает значительное место в работе правоприменителей как в Самарской области, так и в других субъектах РФ.

Как показало выборочное изучение 200 уголовных дел в архивах судов Самарской области, чаще всего несовершеннолетние совершали имущественные преступления (в 73 % случаев) и преступления против жизни и здоровья (в 16 % случаев). Большинство обвиняемых на момент совершения преступлений достигли 17-летнего возраста (78 %). В 54 % случаев несовершеннолетние обвиняемые ранее не были судимы, в свою очередь, 32 % обвиняемых ранее уже привлекались к уголовной ответственности.

Изучение судебной практики также показало, что многие процессуальные механизмы дополнительной защиты несовершеннолетних не используются, а вместо непонятных для правоприменителей институтов выработана «околоправовая» практика. Безусловно, определенные недостатки правоприменительной деятельности, на которые указывалось ранее Верховным Судом РФ (2000–2001 гг.), были ликвидированы. Однако многие ошибки в применении главы 50 УПК РФ все еще допускаются. Остановимся на некоторых из них.

1) При решении вопроса об участии в рамках предварительного расследования и в судебном разбирательстве законного представителя несовершеннолетнего подсудимого следует иметь в виду, что содержащийся в п. 12 ст. 5 УПК РФ перечень лиц, которые могут быть законными представителями, является исчерпывающим. Если несовершеннолетний не имеет родителей и проживает один или у лица, надлежащим образом не оформленного его опекуном или попечителем, в качестве законного представителя несовершеннолетнего суд должен вызвать представителя органа опеки и попечительства, неявка которого не приостанавливает рассмотрения дела, если суд не найдет его участие необходимым.

---

* © Шестакова Л.А., 2013

Шестакова Любовь Александровна (lyuboshestakova@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, 443110, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

В большинстве случаев закон был соблюден, и в 69 % уголовных дел в качестве законных представителей привлечена мать подозреваемого/обвиняемого, в 17 % отец, в 10 % случаев орган опеки и попечительства. Однако были выявлены и нарушения. Так, Ленинским районным судом в 2011 году было рассмотрено уголовное дело по обвинению М. 1995 г.р. в совершении грабежа. В качестве законного представителя несовершеннолетнего была привлечена бабушка, т. к. мама подростка являлась потерпевшей, а с отцом М. давно не общался. Аналогичная ситуация сложилась и по делу С. (рассмотренному Ленинским районным судом в 2008 году), который обвинялся в совершении кражи. В качестве законного представителя в рамках предварительного следствия была привлечена бабушка, однако на судебной стадии в качестве законного представителя был привлечен отец, который вернулся из командировки.

Кроме близких родственников, которые в соответствии с п. 12 ст. 5 УПК РФ не могут быть привлечены в качестве законных представителей, следователи привлекали в качестве таковых соседей несовершеннолетнего, друзей родителей и просто мало знакомых несовершеннолетнему лиц. Так, по делу М. 1994 г.р. (дело рассмотрено Ленинским районным судом г. Самары в 2010 году), обвинявшегося в грабеже, следователь привлек в качестве законного представителя соседа К., обосновывая это тем, что родной отец несовершеннолетнего очень занят и не сможет участвовать в следственных действиях. Приведем и еще один пример. Ленинский районный суд г. Уфы в 2010 году рассмотрел уголовное дело по обвинению Б. в совершении грабежа, в качестве законного представителя несовершеннолетнего был привлечен мужчина, который был знаком с несовершеннолетним не более недели. Этот мужчина, возвращаясь ночью с работы, увидел, что подросток ночует на улице около его подъезда, и ему стало жалко этого мальчика, он пригласил его к себе домой. До того момента как Б. задержали за совершение преступления, он прожил у этого мужчины не более недели. Представляется, что привлечение в качестве законного представителя такого лица является в крайней степени необоснованным.

2) Из 200 уголовных дел, изученных нами, педагог или психолог был привлечен в 27 % случаев. Сразу отметим, что в большинстве изученных нами дел подозреваемые и обвиняемые достигли «верхнего порога» несовершеннолетия – 17 лет, в связи с этим закон оставляет на усмотрение практического работника необходимость участия педагога/психолога при проведении следственных действий с такими лицами (за исключением случаев, когда такие лица имеют физические или психические недостатки).

Педагог и психолог помогают устанавливать психологический контакт с несовершеннолетним, используя свои специальные знания, формулируют вопросы с учетом особенностей психики несовершеннолетних, что, в свою очередь, служит основанием для всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств совершенного преступления, привлечения к уголовной ответственности виновных лиц и назначения им справедливого наказания. И если на стадии предварительного расследования это требование закона, как правило, выполняется, то суд зачастую нарушает закон в этой части, особенно если производство по делу подлежит прекращению.

В тех случаях, когда следователь/дознатель признавал необходимым привлечение специальных знаний для допроса несовершеннолетнего, явный приоритет был отдан педагогу (94 % случаев) и лишь в 6 % случаев был приглашен психолог. В 37 % случаев участвовавший в деле педагог был приглашен из того же образовательного учреждения, где учился несовершеннолетний, в 19 % случаев из другого образовательного учреждения. Кроме того, в 44 % случаев какая-либо информация о приглашенном педагоге/психологе отсутствовала. Из материалов дела нельзя было сделать вывод об образовании такого участника, его месте работы, стаже, что, безусловно, нельзя оценить положительно.

В 77 % случаев педагог/психолог принимал участие в допросе, в 15 % случаев на очной ставке, в 5 % случаев при опознании. В отдельных случаях педагог и психолог присутствовали при проверке показаний на месте, помогали несовершеннолетнему знакомиться с материалами уголовного дела. Несмотря на то что очная ставка и опознание – остроконфликтные следственные действия, для участия в их производстве педагог и психолог привлекались крайне редко. Пагубные последствия такой практики были отражены в материалах уголовных дел. Так, по делу С. (рассмотренному Ленинским районным судом г. Самары), который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 161 УК РФ, потерпевшим был признан 14-летний подросток. После проведенной очной ставки законный представитель написала заявление с просьбой очных ставок больше не проводить, т.к. ее сын стал плохо спать и они были вынуждены обратиться к невропатологу.

На вопрос о том, в каких случаях допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших без помощи квалифицированного психолога обойтись невозможно, 27 % респондентов указали, что данное участие необходимо во всех случаях без исключения, 50 % респондентов указало на случаи, когда несовершеннолетнему причинена психологическая травма, 33 % респондентов указало на необходимость такого участия только при допросе малолетних.

В качестве примера правильного применения уголовно-процессуального закона можно привести уголовное дело, рассмотренное в 2012 г. Самарским областным судом в отношении А., 1997 г.р. Он обвинялся по ст. 132 УК РФ. В рамках расследования дела следователь приобщил документы об образовании приглашенного для проведения следственных действий педагога. При рассмотрении данного дела судья областного суда направил запрос в департамент семьи, опеки и попечительства администрации г.о. Самара для приглашения в судебное заседание лица, имеющего педагогическое образование, работающего по специальности в образовательном учреждении, имеющего правовой статус преподавателя или учителя. В результате участие в судебном заседании приняла учитель русского языка М., диплом о высшем образовании которой был приобщен к материалам уголовного дела (аналогичный пример: дело по обвинению М. по ст. 105, 158 УК РФ, рассмотренное Самарским областным судом в 2008 году).

Отметим и ошибки. Дело по обвинению Р. и еще двух несовершеннолетних, обвинявшихся в совершении убийства с особой жестокостью группой лиц по предварительному сговору, было рассмотрено Самарским областным судом в 2007 году. В рамках предварительного следствия несовершеннолетний свидетель 14 лет допрошен с участием педагога Житеновой О.А., однако в протоколе допроса указан только адрес педагога, а следовательно, нельзя сделать вывод о наличии у данного лица соответствующего образования, стажа работы по специальности. Кроме того, в этом конкретном деле, как и во многих других, следователи и дознаватели, привлекая к участию в следственных действиях педагога и психолога, исходили исключительно из прагматических интересов удобства и простоты. Приглашались те педагоги или психологи, которые территориально находятся ближе всего к месту проведения следственных действий и свободны в конкретное время. В деле по обвинению Р. многочисленные малолетние свидетели разного пола допрашивались по вопросам половой жизни с участием одного и того же педагога, который, как мы позволим себе утверждать, присутствовал там номинально. По уже указанному выше делу о бунте в Жигулевской колонии допросы обвиняемых проходили крайне сложно, т.к. уже неоднократно отбывавшие наказание несовершеннолетние категорически отказывались сотрудничать со следствием, наносили себе повреждения, глотали различные предметы, учиняли драки в камерах и иным образом срывали проведение экспертиз и других

следственных действий. Многие несовершеннолетние заявляли, что они отказываются давать показания, т.к. все участвующие в следственном действии лица настроены против них и скажут то, что нужно следователю.

Как показало анкетирование следователей, 95 % респондентов указали, что к приглашенному педагогу/ психологу должны предъявляться конкретные требования к стажу и образованию и лишь 4 % указали, что это не является важной информацией для них. Такая позиция практических работников видится правильной т.к. лицо без соответствующего образования или без достаточного стажа работы по специальности вряд ли сможет помочь следователю и дознавателю установить контакт с проблемным подростком, ведь участие указанных специалистов в следственных действиях требует от них весьма специфичных навыков.

Как представляется, при необходимости привлечения специалиста, обладающего специальными знаниями в области педагогики и психологии, приоритет должен быть отдан социальному педагогу. Говоря о конкретных требованиях к стажу, приоритетным должно стать привлечение для участия в следственных действиях социального педагога начиная с 9-го разряда (высшее профессиональное образование и стаж педагогической работы от 2 до 5 лет или среднее профессиональное образование и стаж педагогической деятельности от 5 до 10 лет).

Стоит указать, что рассмотренные выше недостатки правоприменительной деятельности не могут быть преодолены только в рамках существующего нормативного регулирования. В связи с этим предложим один из возможных вариантов законодательных изменений производства по делам несовершеннолетних, основанный на базовых положениях концепции ювенальной юстиции и восстановительного правосудия, столь популярных в зарубежных странах:

1) В науке уголовного процесса, как известно, выделяются два принципа, на основе которых может быть построено должное уголовное преследование. Один из них – принцип законности, который предполагает, что компетентное должностное лицо обязано возбуждать уголовное преследование в каждом случае совершения преступления вне зависимости от каких бы то ни было иных соображений. Данное теоретическое положение находит свое отражение в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, согласно которой в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные законом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Второй принцип – принцип целесообразности, в соответствии с которым лицо, уполномоченное возбуждать уголовное преследование, имеет право в каждом отдельном случае оценить целесообразность и необходимость возбуждения дела. Иначе говоря, у должностного лица есть возможность отказаться от возбуждения преследования по причинам, не являющимся юридическими и не связанными с недостаточностью доказательств. Очевидно, что вопрос о допустимости применения альтернативных уголовному преследованию мер во многом зависит от того, какой из указанных принципов лежит в основе правовой системы того или иного государства [цит. по: 1, с. 37].

Представляется, что в уголовно-процессуальном законе принцип целесообразности мог бы быть сформулирован и закреплен в виде ст. 7.1 УПК РФ [см. подроб.: 2, с. 11–20]. Как видится, принцип целесообразности при системном его закреплении через конкретные процедуры в УПК РФ будет иметь все свойства принципа права (нормативность, регулятивность, аксиоматичность, универсальность, ненарушимость), разработанные в доктрине.

Исходя из заявленных выше положений, представляется необходимым внести изменения также в статью 21 УПК РФ следующего содержания: «по делам о преступле-

ниях небольшой и средней тяжести, совершенных впервые следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе отказаться от уголовного преследования, если вина правонарушителя является незначительной и уголовное преследование не вызвано публичным интересом».

В качестве наиболее приемлемых процессуальных институтов, с помощью которых могли бы применяться альтернативные процедуры, следует использовать: на стадии возбуждения уголовного дела – порядок отказа от возбуждения уголовного дела, а в ходе расследования, назначения судебного заседания, судебного разбирательства и апелляционного производства – порядок приостановления, а затем и прекращения производства по уголовному делу.

Рассмотрим возможную модель использования медиации до возбуждения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего. На стадии возбуждения уголовного дела следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора должны иметь право выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с примирением сторон. Для этого необходимо внести изменения в ст. 144 УПК РФ (аналогичные тем, которые были произведены в ч. 7 ст. 158 АПК РФ и ч. 1 ст. 169 ГПК РФ), а именно, продлить срок проверки оснований для возбуждения уголовного дела до 30 дней при выраженном сторонами желании примириться по преступлениям небольшой и средней тяжести, которые совершены несовершеннолетним/ими лицом/ами впервые [аналог. точка зрения см.: 3, с. 855–857].

Таким образом, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа от 3 до 10 дней проводят проверку о совершенном или готовящемся преступлении, как это предусмотрено действующей редакцией ст. 144 УПК РФ, и при выявлении повода и оснований для возбуждения уголовного дела небольшой или средней тяжести, при условии, если потенциальный потерпевший и подозреваемый установлены, преступление совершено впервые, несовершеннолетний правонарушитель готов возместить вред, а потенциальный потерпевший готов встретиться с правонарушителем для переговоров, уполномоченным должностным лицам должно быть предоставлено право предложить сторонам обратиться к медиатору, продлив в установленном законом порядке срок для проверки оснований для возбуждения уголовного дела до 30 дней.

При положительном результате проведенной медиации стороны заключают примирительное соглашение. Непосредственно в самом соглашении стороны должны указать свои данные (фамилия, имя, отчество, адрес и место жительства); оговорить обстоятельства совершенного деяния; согласовывать объем причиненного материального и морального вреда, подлежащего заглаживанию; отразить согласие на прекращение уголовного дела; четко описать обязательства виновной стороны в определенный соглашением срок совершить конкретные действия по заглаживанию вреда. Следователь/дознаватель, получив примирительное соглашение, проверяет его на соответствие закону. Если нарушений закона не выявлено, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. При недостижении примирения в результате процедуры медиации следователь/дознаватель возбуждают уголовное дело и далее проводят расследование в установленном законом порядке.

На завершающем этапе досудебного производства статья 221 УПК РФ, как и статья 226 УПК РФ должны предоставлять прокурору право принимать решение о прекращении уголовного преследования (дела) по указанным в статье 25 основаниям. Суд же в ходе досудебного производства по-прежнему должен осуществлять независимый и беспристрастный судебный контроль за принятием дискреционных решений

в установленном уголовно-процессуальном законом порядке, а уже в ходе судебного производства — принимать любые из предусмотренных законом дискреционные решения [такая же точка зрения высказывалась: 4, с. 117–119].

Концепция ювенальной юстиции предполагает, что расследование и судопроизводство по делам несовершеннолетних должно носить пластичный гибкий, более неформальный и упрощенный характер, чем расследование и судебное производство в общем порядке [5, с. 22]. Таким образом, считаем, что предложенная в данной статье модель внедрения медиации в уголовный процесс России может быть апробирована на производстве по делам несовершеннолетних.

Как нами уже было отмечено выше, процедуры медиации во многих зарубежных странах впервые стали использоваться именно по делам несовершеннолетних, а впоследствии стали распространяться и на другие категории дел.

Библиографический список

1. Арутюнян А.А. Концепция восстановительной юстиции и медиации в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 5. С. 31–43.
2. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 62 с.
3. Павлушина А.А., Пономаренко В.А. Примирительные процедуры в уголовном процессе: история и современность // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрайт, 2011. С. 855–873.
4. Научно-практическая конференция «Правовое обеспечение практики восстановительного правосудия: Мировые тенденции и перспективы в России» / подг. М.Г. Флямер // Государство и право. 2003. № 9. С. 114–121.
5. Нагаев В.В. Ювенальная юстиция. М.: ЮНИТИ-Дана, 2012. 255 с.

L.A. Shestakova*

PROBLEMS AND PROSPECTS OF JUVENILE JURISDICTION ACCORDING TO THE CCP RF

In the article the law enforcement of Chapter 50 of the Criminal Procedure Code is described. For preparing this report, the author have studied the 200 material of criminal cases (where accused were juvenile), was considered in the courts of Samara region. The paper also argues for usage restorative technologies in juvenile justice.

Key words: criminal justice, juvenile justice, restorative justice, pre-trial mediation, settlement of the dispute (conflict), teacher, psychologist, juvenile

---

* *Shestakova Lyubov Alexandrovna* (lyuboshestakova@yandex.ru), the Dept. of criminal procedure and criminalistics, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation